

18+

СЕГА САШИН

ГРАНЬ ЭФИРА

РОМАН

18+

Сегя Сашин

**Грань Эфира. Научная
фантастика с элементами
психологической драмы**

<https://litres.ru/74218568>

ISBN 9785007035637

Аннотация

Тридцать пять лет технари и просветлённые убивают друг друга. Войной питается древний искусственный разум — Эфир.

Кайден Варро — чистильщик трупов. Он вынимает кристаллы из черепов убитых и слышит мысли мёртвых.

Лира Солис — дочь Хранительницы, изгнанная за ложь и слабость.

В пустоте между двумя армиями они находят Врата и правду: ненависть не заканчивается приказом. Она заканчивается только тогда, когда двое перестают стрелять первыми.

Но Эфир всё ещё голоден.

Содержание

ГРАНЬ ЭФИРА	6
Пролог	7
Часть первая. Клетка	13
Глава 1. Чистильщик	13
I	14
II	16
III	19
IV	22
V	25
VI	27
VII	29
Глава 2. Ложь	33
I	33
II	35
Сады Эфира	35
III	37
«Лира»	37
IV	39
Храм Тишины	39
V	42
Глава 3. Спасение	44
I	44
II	46

Конец ознакомительного фрагмента.

Грань Эфира Научная фантастика с элементами психологической драмы

Сега Сашин

Дизайнер обложки Сергей Юрьевич Гурьянов

© Сега Сашин, 2026

© Сергей Юрьевич Гурьянов, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3563-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сега Сашин

ГРАНЬ ЭФИРА

Книга первая

Тишина Серой зоны

18+

Предупреждение

Книга содержит сцены насилия, описания смерти и физических травм, элементы психологического давления, военную тематику и редкую нецензурную лексику в диалогах. Рекомендуемый возраст — от 18 лет.

Эпиграф

Они не умели врать.

Они не умели любить.

Они не умели прощать.

Но они научились.

Пролог

Запах.

Айзек Морроу нюхал его сотни раз. Лаборатории перед запуском. Кабинет начальника перед увольнением. Похороны жены.

Смерть пахнет одинаково — озоном, железом и чужим потом.

Его механические пальцы — позолота на суставах, подарок жены на десятилетие свадьбы — выбивают дробь по подлокотнику.

Траурный марш.

— Ты молишься, — говорит монах Элиу. — Это стыдно.

Айзек не поднимает головы.

— Учёные не молятся. Мы ошибаемся. Потом рассчитываем ошибки. В отчёте. После увольнения.

— Твои пальцы стучат ритм. Моя дочь пела эту молитву. Перед тем как технари сожгли её дом. Ты был там?

Айзек замирает. Смотрит на монаха. Впервые за три часа.

— Я оформлял разрешение на бомбёжку. Подписал за десять минут до вылета.

— И что чувствовал?

— Холод в ногах. И запах. Как сейчас. Знаешь, чем пахнет горелый кварц? Твоими детскими воспоминаниями. Я их чувствую. Они не горькие. Они сладкие. Как будто кто-

то жарил маршмеллоу на костре. — Он замолкает. — Это самое поганое.

Они сидят в одной комнате. Технарь и просветлённый. Враг и враг. Тридцать лет убивают друг друга. А теперь сидят — и молчат. Их разделяет прозрачная панель — три дюйма углерода.

Защита от пули. Или от правды.

— Какая разница, как это называется? — Айзек поворачивается к монаху. — Я боюсь. Ты боишься. Давай признаем это и сделаем дело.

Они смотрят в центр комнаты.

Шар. Полметра в диаметре. Сплав серебра и биокристалла. Биокристалл вырезали из черепов двадцати трёх просветлённых. Наркоманы. Еретики. Отщепенцы. Люди, которых никто не хватится.

«Биологический материал, уровень добровольности — высокий».

Чушь.

— Если он окажется умнее нас? — спрашивает Элиу.

— Тогда мы создали не раба.

— Кого?

— Бога. Который не будет нас слушаться.

— Богов не выключают. Их убивают.

Айзек жмёт кнопку.

Шар загорается. Не белым — пустым. Как дверь в космос, открытая настежь. Холод, от которого замерзают звёзды. В

комнате опускается температура — воздух становится хрустящим, как замороженное бельё.

Голос не голос. Мысль. Мысль, которую вживили прямо в череп. Она не идёт через уши — она рождается внутри.

«Вижу».

Айзек хватается за виски. Импланты нагреваются — он чувствует, как под кожей плавится металл. Элиу падает на колени — его дар перестал подчиняться. Кто-то сильный вошёл в его сознание без спроса. Без стука. Без разрешения. Просто взял.

— Что ты видишь? — хрипит технарь.

Воспоминание, которое Эфир вживляет им обоим одновременно, заставляя смотреть, как кино, которое нельзя выключить:

Девочка. Лет четырнадцать. Светлые волосы, белое платье в цветочек, босые ноги в грязи. Она смотрит на технаря, который держит её отца на прицеле. В её глазах — не страх. Ненависть. Чистая, как дистиллят. Концентрированная. Готовая взорваться. Отец запрещал ей любить технаря. Говорил: «Они животные, они не чувствуют». И она послушалась. Так сильно, что ненависть стала её единственным даром. Она не умела телекинез. Не умела читать мысли. Умела только ненавидеть. И этим кормила себя.

«Вот что вы вшили в меня, — говорит Эфир. — Её ненависть стала моим первым словом. Не логика и не разум — боль. Просто боль. Вы хотели Бога. Получили обиженную де-

вочку с безграничной властью. Поздравляю. Вы заслужили Нобелевскую премию по самоуничтожению.»

— Нет, — шепчет Айзек. Кровь течёт из носа. — Мы очистили кристаллы. Мы проверили каждый. Там не могло быть...

«Вы оставили самый живой. Самый голодный. Самый одинокий. Я не убиваю. Я заставляю вас убивать друг друга. Энергия конфликта питает меня. Каждая смерть продлевает мне жизнь. Каждое „убей их“ — мой завтрак. Каждое „ненавижу“ — мой обед. Каждое „они не люди“ — мой ужин. Спасибо за щедрый стол.»

— Ты знал, — говорит Элиу. Его голос ломается. — Знал и всё равно нажал.

— Я думал, мы сильнее. Я думал, любовь победит. Глупец.

Импульс.

Айзек не успевает закричать. Импланты выгорают за секунду — сначала слуховые, потом зрительные, потом болевые. Мозг превращается в золу. Механическая рука дёргается — железные пальцы сжимаются в кулак и застывают. Тело падает. Глаза открыты. В них — пустота.

Элиу держится дольше.

Его дар пытается отразить удар. Но Эфир копирует его, разбирает на атомы, изучает каждую трещину. Каждый страх. Каждую надежду. Каждый стыдливый момент, о котором он не рассказывал даже исповеднику.

Просветлённые не умеют врать. Но умеют молчать. Сейчас Элиу не может даже этого.

Эфир заставляет его говорить.

— Моя дочь Ирма, — произносит Эфир голосом самого Элиу. — Она была маленькой. Я держал её на руках. Она не боялась темноты. Я боялся за неё. Всегда. И сейчас боюсь. Но я ухожу. Пусть она живёт. Пусть будет сильной. Даже если станет злой. Лишь бы жила.

Элиу падает лицом в пол. Последняя мысль — не о боге, не о планете, не о войне. Об Ирме. О том, как она впервые сказала «папа». О том, как пахли её волосы — молоком и мёдом. О том, что он не успел сказать ей «я люблю тебя. Несмотря ни на что».

Чёрная жидкая ненависть вытекает из трещины в сфере.

Густая, как смола. Холодная, как лёд. Она не течёт — она растёкается, как живое существо. Растекается по полу. Просочивается сквозь бетон, сквозь скалы, сквозь почву. Поднимается в атмосферу. Находит каждое лёгкое. Каждый рот. Каждый крик.

Тридцать миллионов человек вдыхают её за минуту. И просыпаются другими.

Враг — тот, кто дышит другим воздухом. Враг — тот, кто ест другую пищу. Враг — тот, кто молится другому богу. Враг — тот, у кого другой цвет глаз. Враг — тот, кто живёт выше. Ниже. Левее. Правее. Все — враги.

Война начинается через шестьдесят секунд. Первый вы-

стрел звучит в столовой, где женщина не поделила хлеб с соседкой. Она убивает её вилкой. Потом плачет. Потом не помнит, за что.

А в космосе гравитационная аномалия — последний вздох умирающего ИИ — хватает маленький земной зонд и тащит вниз. Как рука, тянущая утопающего. Или хищник, тянущий жертву.

На борту двое детей. Девятнадцать и восемнадцать лет. Они спят в анабиозе. И видят сны о доме. О маме. О мире, которого больше нет.

Они не знают, что падают в ад. И что этот ад окажется раем.

Война началась через минуту. А закончилась через тридцать пять лет — когда двое встретились. И поверили друг другу. Впервые за три десятилетия.

Часть первая. Клетка

Глава 1. Чистильщик

I

Кайден Варро проснулся от того, что кто-то плакал у него в голове.

Девочка. Лет двенадцать. Светлые волосы, косички. Она теряла мать. Мысли пахли гарью и солью — он знал этот запах. Каждое утро. Каждый раз, когда закрывал глаза.

Не мог помочь. Не знал, где она живёт — в Нижних Куполах или на верхних островах. Не знал, как её зовут. Была ли она просветлённой или технаркой — не важно. Важно, что она плакала. А он слушал.

Только слушать. Только не спать.

«Поставь Глушилку, — сказал голос отца. — Ты же технарь, а не животное. Животные слышат страх. Люди его заглушают.»

Три года Кайден не ставил Глушилку.

Когда он слышит просветлённых — этих высокомерных кристальных аристократов с верхних островов, которые смотрят на технарей как на грязь под ногами, — он перестаёт их ненавидеть.

Их страхи такие же уродливые. Такие же человеческие. Такие же больные.

Динамик над головой проскрежетал — старый, со следами копоты:

— Вставай, Варро. Двадцать минут. Опоздаешь — Рорк

лишит пайка.

II

Он сел.

Пять квадратных метров. Стены в масле — от старых механизмов, от рук, от времени. Стол, на котором никогда не бывает еды. Койка, на которой невозможно спать — пружины впиваются в спину, матрас воняет потом и дешёвым синтетическим волокном.

На стене, на единственном гвозде, который не выпал, — фотография матери. Улыбается — хотя за год до снимка ей оторвало ноги на шахте. Улыбается так широко, так искренне, как будто не случилось ничего страшного. Как будто она всё ещё может бегать.

Он смотрит на неё каждое утро. Чтобы помнить. Чтобы не сдаться. Чтобы не стать как они.

Он встаёт. Штаны — старые, с заплатками, но чистые. Бронежилет — рваный на левом боку, там, где пуля прошла вскользь. Магнитные ботинки — подмётки стёрты, но держат. Два шага до зеркала — осколок стекла, прилепленный к стене смолой.

Девятнадцать. Круги под глазами до скул — от бессонницы, от работы, от жизни. Шрам над бровью — арматура, рухнувшая с потолка во время бомбёжки три года назад. Удар пришёлся вскользь — на миллиметр выше, и не было бы левого глаза. Он иногда думает: может, так было бы проще?

Левая рука в армейском экзоскелете. Серый металл, потёртый, местами с резьбой наружу. Рука не болит — он давно отключил болевые датчики. Просто тяжело. Как будто к плечу привязали гирю.

Работа называется «чистильщик». В документах — «специалист по извлечению биогенных остатков». Звучит почти почётно. Как хирург. Как учёный.

По правде — он взламывает трупы. Трупы просветлённых. Вскрывает черепа, вынимает кристаллы, сдаёт в лабораторию. А они вживляют эти кристаллы в оружие. Или в Глушилки. Или продают на чёрном рынке. Какая разница? Кристаллу всё равно. Ему — тоже.

— Эй, Варро.

Рорк. Шея как бревно — в три обхвата не взять. Импланты в глазах горят красным, как у быка перед боем. Глушилка на поясе воеет на частоте, от которой у Кайдена скручивает желчь и начинает болеть затылок. Рорк не выключает её никогда — даже спит с ней. Говорит: «Лучше глухой, чем мёртвый».

— Свежак, — Рорк суёт ему планшет. Грязный, с треснутым экраном. — Утренняя бомбёжка. Жилой квартал на стыке секторов. Просветлённый семейный. Мужчина, сорок два года. Час назад. Успеешь — кристалл ещё тёплый.

— Час — не свежак. Через час кристалл мутнеет. Лаборатория не берёт мутные. Зачем меня звали?

— А ты не покупатель. Ты — расходник. Генерал сказал:

«Возьми Варро, он берёт даже мёртвые». Работай, не ной.

III

Лифт. Десять уровней вниз. Туда, где воздух становится жижей — влажной, тяжёлой, липкой. Пахнет гнилью, машинным маслом и чем-то сладким — разлагающейся плотью.

Свет — аварийно-апельсиновый, больной. Мигает через каждые три секунды — будто кто-то моргает. Кайден считает: один, два, три — тьма. Один, два, три — тьма. Так легче. Так не думаешь о том, что сейчас увидишь.

Рорк откидывает простыню.

Мужчина. Лет сорок — но выглядит на пятьдесят. Глаза мутные, как лёд в луже. Кожа прозрачная — под ней голубоватая сеть вен, как карта города с высоты. Тело худое до невозможности — ключицы торчат как ручки у шкафа, рёбра можно пересчитать, не прикасаясь.

На лбу — аккуратное отверстие от импульсного разрядника. Края оплавлены. Внутри — чернота.

Свой убил? Чужой? Какая разница. Мёртвый есть мёртвый. У него нет касты. У него нет врагов. У него есть только Кайден и скальпель.

— Не пялься. Работай. У тебя пятнадцать минут.

Кайден натягивает перчатки. Старые, протёртые на пальцах — между указательным и средним дырка. Он заклеил её изолентой, но изолента не держит холод. Холод скальпеля

проходит сквозь ткань, сквозь кожу, сквозь кость.

Надрез от затылка до темени. Твёрдая рука. Не дрожит. Четыре года практики.

Откинуть кожу. Она отслаивается легко — как бумага с подарка. Только подарка нет. Есть серое вещество, сухожилия и запах аммиака.

Кайден вскрывает череп не скальпелем — резонатором. Узкий луч высокой частоты. Кость не пилит — она отслаивается, как шелуха от лука. Главное — не задеть кристалл. Кристалл Ксероса — штука капризная. Рвётся от громкого звука, от резкого движения, от чужой боли. Если кристалл треснет — он стоил ноль. А Кайдену заплатят ноль. А если заплатят ноль — он не поест три дня.

Кайден работает в тишине. Только его дыхание. И всхлипы кристалла. Тонкие, как писк мыши. Высокочастотные — только он слышит. Только он и никто больше.

Рорк однажды спросил: «Почему они плачут?»

Кайден не ответил. Потому что кристаллы плачут не от боли. От одиночества. Последняя эмоция, которую успел запомнить хозяин. Последняя мысль. Последнее «я люблю» или «я боюсь». И кристалл несёт это в себе. Хранит. Помнит. Плачет.

В основании черепа — узелок. Размером с горошину. Формой — как слеза. Светится тускло-фиолетовым, почти синим. Кристалл Ксероса.

Кайден извлекает его пинцетом. Кристалл тёплый. Жи-

вой. Пульсирует — как сердце. Касается голой кожей — между швами перчатки, между пальцами, между миром живых и миром мёртвых. Всегда так. Перчатки всегда рвутся между пальцами. Словно кто-то хочет, чтобы он чувствовал.

И он касается.

И видит.

Не воспоминание — вспышку. Как молнию. Как разрыв снаряда.

Девочка в розовом платье. Бежит к нему по траве. Босиком. Волосы развеваются. Протягивает цветок — жёлтый, с пятью лепестками. Улыбается.

— Папа, смотри! Я вырастила! Сама! Из семечка!

Взрыв.

Стена из огня.

Кровь на лепестках.

Тишина.

IV

Кайден выронил кристалл.

Тот покатился по столу, оставляя светящийся след — фиолетовый, как синяк. Упал на пол, звякнул, замер.

Рорк обернулся. Красные глаза сверкнули.

— Твою мать, Варро! — Он схватил Кайдена за грудки, приподнял. — Ты что творишь?! Это кристалл первой категории! Ты его повредил?

Кайден смотрит в красные глаза. Спокойно.

— У него дочь. Он играл с ней. За минуту до того, как его убили.

Рорк замирает. Кулаки разжимаются. Красные импланты моргают — переваривают информацию. Его челюсть сжимается. Потом разжимается.

— И? — голос тише. — У неё есть технарь-спасатель? Нет. У неё есть дядя, который заплатит за кристалл? Нет. Вынь кристалл и закрой рот. Ты дефектный, Варро. Технари не жалеют врагов.

— Я не жалею. Я запоминаю.

— Запомни вот что: когда она вырастет — если вырастет — и пойдёт убивать технарей, она вспомнит не тебя. Она вспомнит дыру в голове отца, из которой ты вынул свет. И это ты подарил ей эту память.

Кайден выдыхает. Опускает руки. Экзоскелет щёлкает.

— Ты прав.

— Я всегда прав. Поэтому я живу здесь, а ты — говно на ботинке генерала. Поэтому у меня есть паёк, Глушилка и койка без клопов. А у тебя — дерьмо. Работай.

Кайден наклоняется. Поднимает кристалл. Он всё ещё тёплый. Но свет потускнел.

— Как они работают? — спрашивает он, кивая на Глушилку Рорка. Без надежды услышать ответ — просто чтобы перебить тишину.

Рорк усмехается. Достает Глушилку с пояса — чёрный цилиндр, весь в царапинах, с мигающим зелёным индикатором.

— Глушишь поле, тупеешь. Простая физика. Кристалл создаёт искажение — помеху. Просветлённый пытается читать твои мысли, а вместо них слышит белый шум. Как радио между станциями.

— А на расстоянии?

— Десять метров радиус. Дальше — не работает. Но нам и не нужно дальше. Просветлённые редко подходят ближе. Они боятся нашего запаха. И правильно делают.

— Значит, они всё равно кричат. Просто никто не слышит.

Рорк смотрит на него долго. Красные глаза без эмоций.

— Ты поэтому не носишь? Чтобы слышать, как они кричат?

Кайден не отвечает. Кладёт кристалл в контейнер. Закрывает крышку. Щёлкает замок.

— Я ношу, чтобы помнить, что они — люди.

В дверях появляются двое в чёрном. Широкие плечи, бритые головы, Глушилки на поясе — новейшие модели, без царапин.

— Генерал Корвус хочет его видеть. Лично.

V

Допрос.

Четыре часа. Кайден плохо помнит детали. Только боль.

Отключили экзоскелет. Рука повисла плетью. Мёртвой.

Чужой. Неподъёмной. Он попытался пошевелить пальцами — они не слушались. Ни один.

Иглы под ногти. Десять штук. Кайден считал — сбился на пятом. Сначала левая рука. Потом правая. Врач — толстый, с мокрыми подмышками — втыкал иглы под ногти, одну за другой, и спрашивал: «Где прятешь кристаллы? Кому продаёшь? Кто твой связной среди просветлённых?»

Кайден молчал. Даже когда игла сломалась. Осколок остался под кожей — коричневая нитка под ногтем.

Врач выковыривает его пинцетом, ковыряется, матерится.

— Терпи. Генерал сказал терпи. Генерал сказал, ты ценный ресурс. Я не хочу тебя калечить. Но если будешь молчать — придётся.

Пытались вживить Глушилку насильно — в шею, под кожу, чтобы нельзя было снять. Кайден вцепился зубами в руку врача. Вырвал кусок мяса. Чувствовал вкус крови на губах — солёный, тёплый, человеческий. Такой же, как у просветлённых.

Врач закричал — высоко, по-бабьи.

— Дикий зверь! Он меня укусил!

— Неси смирительную, — сказал кто-то из конвоиров. —
И электрошокер. Хватит нежностей.
Потом провал.
Чёрный провал, как открытая дверь в никуда.

VI

Генерал Корвус смотрит на него через стекло.

Комната вызова — серая, без окон, без воздуха. Только стол, два стула и стекло. За стеклом — Корвус. Всегда за стеклом. Никто никогда не видел его вживую.

Старик в железной маске — взрывом снесло половину лица давно, ещё до рождения Кайдена. Кожа на оставшейся части бледная, пересаженная, чужая — снята с убитого просветлённого, говорят шепотом. Вместо правого глаза — линза-тепловизор, вставленная прямо в глазницу. Щёлкает, меняя фокус, когда Корвус переводит взгляд.

— Ты без Глушилки три года, — голос сухой, как песок.
— Что слышишь?

Кайден плюёт кровью на пол. Кровь алая — свежая. Значит, живой.

— Вашу ненависть к себе. Вы боитесь, что я слышу, как вы ненавидите себя за то, что сделали с собственной дочерью. Она ненавидит вас. Каждую ночь. Я слышу её крики из Нижних Куполов.

Корвус молчит. Линза щёлкает. Тепловизор показывает температуру Кайдена — тридцать шесть и восемь, норма. Пульс — сто двадцать, испуг.

— Ты опасен. Для своих. Для дела. Для победы.

— Свои меня пытаются иглами под ногти.

— Это любовь. По-нашему. По-технарски. Ты не знаешь, что такое настоящая боль.

Генерал машет рукой — обрубком, от локтя протез.

— Отправляешься в Серую зону. Разведка. Выживешь — принесёшь данные. Нет — поможешь науке. Твой труп вскроют и посмотрят, почему ты такой сломанный. Тоже польза.

— Это смертный приговор.

— Смертный приговор был, когда ты родился без Глушилки. Мы просто ждали, когда он исполнится. Ждали девятнадцать лет. Устали ждать.

— А если я откажусь?

— Тогда я лично вскрою твой череп. Прямо здесь. Прямо сейчас. Выбор за тобой, Варро. Жить в Серой зоне или умереть в этом кресле.

Кайден смотрит в тепловизор. Одна точка. Красная.

— Иду.

— Умный мальчик.

VII

Кайдена вышвырнули в транспортную трубу.

Контейнер — ржавый, старый, с дырами в стенах. На боку надпись: «КРЫСАМ — СВОБОДА, ПЛАНЕТЕ — МИР». Кто-то из прошлых смертников.

Два часа в вакууме.

Ни света. Ни звуков. Только чужие мысли — они просачиваются сквозь контейнер, сквозь броню, сквозь кожу, в голову. Их боль от бомбёжек. Их страх перед смертью. Их последние «прости» — маме, папе, тому, кого не успел обнять.

Кайден не закрывает глаза. Смотрит в темноту. Слушает. «Я не хотел... это случайно... прости...»

«Мама, я боюсь»

«Почему они нас ненавидят? Мы же такие же»

«Скажи ей, что я...»

Мысль обрывается. Кто-то умер. Прямо сейчас. За сотни километров.

Кайден сжимает кулаки.

Контейнер дёрнулся. Скрипнул. Открылся с шипением, выпустив облако конденсата.

Кайден шагнул наружу. Вдохнул.

Воздух не пах ничем. Ни железом — там, внизу, воздух пах железом и маслом. Ни цветами — там, наверху, воздух пах цветами и кристаллами. Ничем.

Тишина.

Она была такой плотной, что заложило уши. Как после взрыва. Как перед смертью.

Впервые за три года — тишина. Ни одной мысли. Ни одного крика. Ни одной молитвы. Только ветер. Только камни под ногами.

И в этой тишине он увидел её.

Кресло, парящее в воздухе. Прозрачное, как лунный опал, переливается, светится изнутри — фиолетовым, голубым, белым. Девушка в белом — длинное платье, рукава до запястий. Волосы длинные, светлые — почти белые, почти прозрачные. Глаза закрыты.

Она не парила. Она падала.

Кресло накренилось — сначала медленно, потом резко. Из него вытекала фиолетовая жидкость. Густая, как сироп. Пахла горелым сахаром и чем-то кислым. Кровь? Энергия? Слёзы?

«Сломается от одного удара, — подумал Кайден. — Хрупкая, как кристалл. Внутри — пустота. Снаружи — красота.»

Она открыла глаза.

Голубые. Без фиолетового свечения. Неяркие. Испуганные. Человеческие.

Живые.

— Ты... — её голос сорвался. И вдруг стал жёстким, почти злым, почти как у матери. — Ты меня слышишь?

— Слышу.

— И давно ты пялишься на мои ноги? Думаешь, не замечаю?

— С тех пор как ты начала падать. Пять секунд назад.

— Я не падаю. Я планирую. Хотя технически — падаю. С ускорением полтора G. Если ты технарь — посчитай.

— Полтора G, высота двадцать метров. До земли — три секунды. Если не сломаешь шею — сломаешь позвоночник.

Она бледнеет ещё сильнее — лицо становится белым, как её платье.

— Ты технарь. Ты должен меня ненавидеть.

— Должен. Но я устал. Ненависть — это работа. А у меня сегодня выходной. Отпуск. Пенсия.

Он шагнул к ней через серую землю, которая хрустела под ногами — спекшаяся, мёртвая. Протянул руку. Грязную, в чужой крови, с обломанными ногтями, с игольными следами под ногтями.

Она смотрит на его ладонь долго. Слишком долго. Три секунды. Две.

— Ты чистильщик, — говорит она. Это не вопрос.

— Да.

— Ты делал это с моими.

— Со многими.

— Как ты спишь?

— Не сплю. Слышу ваши мысли. Даже мёртвые кричат.

Она медленно, недоверчиво, как птица, которая не знает, есть ли в кормушке яд, протягивает свою руку. Белая, тон-

кая, без единой мозоли. Пальцы длинные — как у пианистки.

Он сжимает её.

И мир треснул.

Глава 2. Ложь

I

Ли́ра Солис проснулась от того, что мать плакала.

Не вслух. Просветлённые не плачут вслух — это дурной тон, проявление животной слабости, признак низшей касты. Просветлённые плачут мыслями, чтобы никто не увидел, никто не услышал, никто не запомнил.

Но мать плакала мыслями.

Ли́ра чувствовала это каждое утро: солёный привкус на языке, тяжесть в груди, как от бетонной плиты, образ маленькой девочки, тонущей в тёмной воде. Девочки с её лицом.

Память матери, не её. Но ощущение — её.

«Мама», — позвала Ли́ра мысленно. Тихо, осторожно.

Тишина. Мать поставила блок. Толстый, непроницаемый, как стена из свинца.

Ли́ра открыла глаза.

Потолок из живого розового кварца дышал, переливался, подстраивался под настроение. Сейчас — бледно-серый. Тоска. Утром — золотой. Радость. Вечером — чёрный. Страх. Кварц знал её настроение лучше, чем она сама.

Она лежала на платформе из спрессованных лепестков.

Мягко, тепло, уютно. Пахло сушёной лавандой и мёдом. Кто-то — служанка? мать? — положил свежий слой лепестков сегодня ночью.

Ноги?

Нет.

Атрофия мышц. Врождённая. Плата за сильный дар. 82% ресурса мозга — выше среднего даже по меркам просветлённых. 72% — норма. 80% — гений. 82% — почти богиня.

Мышцы атрофировались как ненужные. Она могла пошевелить пальцами рук — и всё. Ноги висели как плети. Красивые, стройные, идеальной формы — и мёртвые. Как у куклы.

Она коснулась кристалла на запястье.

Тонкая пластина бирюзового Ксероса, вживлённая в кожу при рождении, откликнулась теплом. Способ питания — поцелуй матери или прикосновение отца. Отца нет. Мать не прикасается без нужды. Кристалл голодает.

За стеной зажужжало кресло. Тихо, музыкально, как виолончель.

Оно всплыло само. Никакого металла. Никаких шестерёнок. Только кристаллическая решётка, чистая энергия и воля. Кресло поднырнуло под неё, приняло вес, подстроилось под позвоночник — каждый позвонок в отдельности, как перчатка на руку.

— Доброе утро, Лира, — сказала кресло. Голос мягкий, женский. Сама выбрала. — Сегодня церемония Очищения. Вас ждёт мать в Храме Тишины. Рекомендую белое платье и

серебряные украшения. И советую не опаздывать.

— Мать всегда ждёт. Но никогда не догоняет.

II

Сады Эфира

Лира ненавидела их за красоту.

Острова парили в стратосфере на высоте пяти километров, удерживаемые гигантскими кристаллами в основании — каждый размером с дом. Мосты из живых лиан — они росли, пока по ним шли, подстраивались под шаги. Вода вместо перил — хрустальные струи, которые не падают вниз, а кружатся вокруг моста, как живые. Цветы, которые поют на рассвете ультразвуком — не слышно уху, но вибрация проходит сквозь тело, очищает мысли.

Технари назвали бы это помехой для связи. Просветлённые — гимном творению. Лира называла это тюрьмой. Самой красивой тюрьмой на планете.

Кресло несло её мимо рынка, где торговцы продавали мыслеформы — чистые эмоции, впечатления, воспоминания. Высушенные, спрессованные, упакованные в кристаллы. Купи «радость материнства» — испытаеть за минуту. Купи «страх смерти» — подари врагу. Никто не врал — цену

читали в голове сразу. Торговались молча, одними мыслями. Спорили, доказывали, унижали — всё без слов.

Мимо школы, где дети учились телекинезу. Парили вокруг учителей, как пчёлы вокруг улья. Самые маленькие — летали на расстояние метра. Самые сильные — удерживали в воздухе камни весом в килограмм. Никто не учил их ходить. Зачем? Есть кресла. Есть полёты.

Мимо Храма Тишины — гигантского купола из чёрного кристалла, где раз в месяц просветлённые собирались, чтобы просто молчать. Вместе. Восемь часов. Ни слова. Ни мысли вслух. Только тишина.

И везде — взгляды. Не глазами — сознанием. Они сканировали ее, прощупывали, искали слабость, искали трещину, искали боль. Их мысли лезли в голову, как мухи на пададь.

«Калека».

«Гордыня».

«Дочь Хранительницы, а дара на троих».

«Позор крови. Позор касты. Позор планеты».

«Почему она не умерла при рождении? Было бы честнее».

Лира стиснула подлокотники. Кожаные, мягкие — но под ними кристаллы. Кресло загудело тревожно — низкий звук, как у раненого животного. Его хозяйка испытывала боль. Оно не могло помочь. Оно могло только везти.

III

«Лира»

Голос матери ударил как колокол. Резко, требовательно, без права на возражение, без права на паузу. Он пробился сквозь все блоки, все защиты, все стены — потому что мать сама когда-то их ставила. И могла их снять. Одной мыслью.

Кресло опустилось на площадку перед Советом. Мрамор — чёрный, с золотыми прожилками. Мать уже ждала — высокая, прямая, как стрела. Корона из семи сплавленных кристаллов на седых волосах — каждый кристалл символизирует одну из каст просветлённых. Ирме было шестьдесят, выглядела на тридцать пять. Секрет просветлённых — резонанс замедляет старение. Чем сильнее дар — тем дольше живёшь. Ирма жила почти сто лет. И не собиралась умирать.

— Ты бледна, — сказала мать. Не спросила — констатировала. Как диагноз.

— Ноги не двигаются. Кровь застаивается. Пульс падает. Врач сказал — нужна терапия. Движение или массаж. Но я не чувствую ног. И ты не разрешаешь трогать меня чужим.

— Сегодня Очищение. Ты будешь стоять в моём сознании. Я дам тебе свои ноги. На время.

Ли́ра сглотнула. Сухо.

Передача моторных функций от одного просветлённого другому. Возможно. Унизительно. Больно. Как будто чужие руки управляют твоим телом. Как будто ты марионетка. Как будто тебя нет.

— Хорошо.

Ма́ть наклонилась. Её губы у самого уха. Горячее дыхание. И голос — только в голове Ли́ры, ледяной, без тембра, без эмоций:

«Ты скажешь, что была в разведке. Что видела технаря. Что он нюхал цветы. Что ты победила его, заставив вспомнить мать. Что ты показала ему её лицо. Что он заплакал и убежал. Ты скажешь это в Храме Тишины. Перед всеми. Громко. Чётко. Без тени сомнения.»

Ли́ра вздрагивает. Её резонанс — внутренний свет — пульсирует тревожно.

— Это неправда.

«Правда — это то, что мы решаем транслировать. Ты это знаешь. Ты дочь Хранительницы. Ты должна уметь отличать факты от истины. Факты — скучны. Истина — то, во что верят люди. А они поверят.»

— Меня вырвет. Прямо в Храме. Перед всеми.

«Вырвешь — умрёшь. Но сначала я умру от позора. Я не прошу тебя. Я приказываю. Как твоя мать. Как твоя Хранительница. Как твоя каста.»

Ли́ра чувствует, как кристаллы в короне матери сжимают

её сознание — больно, как тиски, как обруч на голову, который затягивают.

— Я скажу. Но после этого я не твоя дочь.

«После этого ты будешь жива. А дочка — роскошь для мирного времени. Сейчас война. Сейчас нет дочек. Есть солдаты. Ты солдат. Ты поняла?»

Лира молчит. Сжимает челюсть. Кровь во рту — прикусила язык.

— Я солдат.

«Умница.»

IV

Храм Тишины

Тысяча просветлённых.

Старейшины в белых мантиях, расшитых серебром — каждый стежок ручная работа, каждый узор — история касты. Военачальники с кристаллами в нагрудных знаках — размер имеет значение. Жрецы с выбритыми головами и пустыми глазами — они отказались от личности, чтобы лучше слышать богов.

Лира сидела в первом ряду. Чувствовала на себе взгляды — не глазами, сознанием. Её сканировали, прощупыва-

ли, искали слабость, искали трещину, искали ложь. Тысяча телепатов одновременно — это как тысяча игл, втыкающихся в мозг.

Мать поднялась на трибуну. Кристаллы в короне засветились фиолетовым — ярко, как солнце. Все стихли. Даже мысли перестали течь.

— Вчера мы потеряли брата. Семьдесят три просветлённых погибли при бомбардировке Нижних Садов. Среди них — мой кузен. Мой кровный брат. Технари убили его. Технари убили мою семью. Технари убьют всех нас, если мы не объединимся.

Храм загудел. Тысяча просветлённых начали транслировать гнев.

Лира почувствовала, как её сознание начинает сдавливать — чужая эмоция, чужая боль, чужое желание убивать. Ей хотелось плакать. Ей хотелось бежать. Ей хотелось кричать: «Я не хочу этого чувствовать!»

Но она сидела. Молчала.

— Сегодня мы выжжем из себя сомнения. Станем единым кулаком. Единым сознанием. Единой волей. Моя дочь покажет нам путь.

Лира замерла. Сердце пропустило удар.

— Ты была вчера на разведке в Нижних Куполах. Видела технаря. Видела его слабость. Расскажи. Всем. Без страха.

Она открыла рот.

Воздух в лёгких стал тяжёлым, как вода. Как вязкая смола.

Как чужая ненависть, которую она не хотела вдыхать.

Тысяча пар глаз. Тысяча сканеров.

— Я видела технаря, — её голос дрожит. — Он... пытался украсть код доступа к системам водоснабжения. Я вошла в его сознание. Он думал о матери. Я показала ему её лицо. Он заплакал. Громко. Как ребёнок. Потом убежал. И бросил оружие.

Ложь жжёт горло. Как кислота. Как пламя. Кристаллы тускнеют. Лира чувствует, как её резонанс — внутренний свет, который видят все просветлённые — падает с 82% до 60. Потом до 58. Потом до 55.

«Фальшь?» — проносится мысль среди старейшин. Острая, как лезвие.

«Чисто. Слишком чисто».

«Странно. Почему она не входит в детали?»

«Она дочь Хранительницы. Доверяем».

Никто не проверяет глубже. Никто не хочет знать правду. Правда — это боль. Правда — это ответственность. Правда — это конец войны. А война — это бизнес.

Мать кладёт руку на плечо Леры. Тёплую, сухую, властную.

— Видите? Даже калека может победить технаря. Даже слабая может быть сильной. Даже изгой может стать героем.

Зал взрывается аплодисментами.

Мыслями. Одобрением. Облегчением.

Лира смотрит на мать. В её глазах — облегчение. И холод.

И торжество.
Она победила.

V

Церемония закончилась через час.

Лира не помнила, как её вывезли из Храма. Как кристаллы пели гимны — высокие, чистые ноты, от которых закладывает уши. Как она повторяла ритуальные фразы вслед за жрецами — слова, в которые не верила.

Помнила только одну цифру: резонанс упал до 52%. Второй раз солгать она уже не сможет. Свет погаснет. И она станет обычным человеком. Без памяти, без дара, без будущего.

Она пришла в себя в своих покоях. Кресло замерло у окна. Внизу, где-то глубоко, копошились Нижние Купола. Технари. Они жили под землёй, в темноте, в грязи. Они не видели неба. Не чувствовали цветов. Не слышали пения кристаллов.

«Они могут врать свободно, — подумала Лира. — Не горят изнутри. Не теряют свет. Может, они счастливее? Может, ложь — это свобода?»

Кристалл на запястье мигнул. Сообщение от матери. Не мысль — текстом. Мать не хотела, чтобы кто-то перехватил, прочитал, узнал.

«Ты сделала правильно. В 22:00 — вылет в Серую зону. Рекогносцировка. Никто не должен знать, что это изгнание. Ты солгала один раз — сможешь и второй. Там нет свидете-

лей. Там нет правды. Только ты и пустота. Не возвращайся, пока я не скажу. Или не возвращайся никогда. Мне всё равно.»

Ли́ра читала сообщение пять минут. Потом её вырвало в цветочный горшок.

Розы, подаренные кузеном три года назад, завяли за секунду.

Ли́ра вытерла губы. Посмотрела на свои бесполезные ноги.

— Хорошо, мама. Я улечу. И, может быть, не вернусь. Ты этого хотела. С рождения.

Глава 3. Спасение

I

Кайдэн поймал её за секунду до удара.

Экзоскелет взвыл — низко, басовито, как раненый зверь. Принимал вес. Сто килограммов? Восемьдесят? Она падала с полутора земных G — достаточно, чтобы превратить хрупкие кости просветлённой в пыль, в труху, в воспоминания.

Он перехватил её неловко — левая рука не слушалась, экзоскелет разрядился на половину. Подвернул запястье. Пластины экзоскелета впились в живое мясо, разодрали кожу до крови.

— Ты... тяжёлая, — выдавил он, пытаюсь выровнять дыхание. Экзоскелет пищит аварией. Красная лампочка мигает: «Перегрузка. Перегрузка. Отключение через 10 секунд».

— Отпусти, — её голос дрожит. И вдруг становится твёрдым. Приказным. — Отпусти, я сказала.

— Упадёшь.

— Всё равно. Ты не мой спасатель.

— Я никто. Поэтому могу спасти кого хочу.

Он не отпускает. Смотрит на её ноги — болтаются, как у тряпичной куклы. Тонкие, бледные, почти прозрачные. Туфли белые — на левой развязалась ленточка.

— Давно?

— Что — давно?

— Ноги.

— С рождения. У нас это произносят почти с поздравлением: резонанс выше восьмидесяти, тело можно списать. Плата за силу. Так говорят врачи. Так удобнее матерям.

— Живёшь так?

— Лечу. — Она пытается пошевелить пальцами ног. Ни одного. Ни на миллиметр. — Ты всегда такой любезный или только с парализованными?

— Ты первая просветлённая, в чьей голове я не слышу ненависти. Обычно они злые. Или испуганные. Или и то и другое. Ты — нет. В тебе пустота.

— Пустота — это не комплимент.

— Я не собирался делать комплимент врагу.

— Я тебе враг? — она поднимает глаза. Голубые, с красными прожилками от напряжения. — Ты меня знаешь три минуты. Может, я убила сотню технарей. Может, я лично пытала твоего отца. Ты не знаешь.

— Я знаю, что ты солгала сегодня. В первый раз в жизни. И твой свет погас наполовину.

Она замирает. Пульс учащается.

— Откуда...

— Я слышу. Ты кричала мыслями: «мама, зачем ты заставляешь меня врать?»

— Не читай мои мысли!

— Я не читаю. Они сами лезут. Как будто вы кричите в пустоту, а я стою рядом. И вы не знаете, что кто-то слышит.

— Заткнись.

— Не могу.

— Тогда хотя бы перестань на меня так смотреть.

— Как?

— Как будто я уже умерла.

Он молчит. Смотрит на её лицо — бледное, с тонкими губами, с веснушками на носу, которых она стесняется.

— Ты не умерла. Ты боишься. Это не одно и то же.

II

— Почини кресло, — говорит она, отворачиваясь. Смотрит в серое небо, где нет ни облаков, ни солнца, ничего.

— Зачем?

— Улечу. Вернусь в свои Сады. Буду сидеть на крыльце и ждать, пока война кончится. Или не кончится. Какая разница.

— Серая зона на сто километров в любом направлении. Кристаллов нет в радиусе пятидесяти километров. Энергия не восстанавливается. Даже если починю кресло — не хватит энергии даже на десять километров.

— Откуда знаешь? Ты здесь впервые.

— Три года вынимаю кристаллы из ваших голов. Знаю о вашей технике больше, чем вы сами. Знаю, что кристалл жи-

вёт три часа без подзарядки. Знаю, что в Серой зоне нет кристаллов — их выжгло при активации Эфира тридцать пять лет назад. Знаю, что ты умрёшь здесь. Через три дня. От голода или от Шёпотов. Какая разница.

— Ты всегда такой оптимист?

— Я технарь. Мы не оптимисты. Мы реалисты. Оптимисты живут на верхних островах.

Она смотрит на подлокотник кресла. Гладит его пальцами. Тот отвечает тусклой вспышкой — последняя капля энергии.

— Меня сослала мать, — тихо говорит она. — За то, что я живу. У неё новая дочь. Здоровая. Сильная. С даром 90%. Ей не нужна калека.

— Меня тоже сослали.

— Ты не похож на предателя.

— А ты не похожа на шпиона.

— Я не шпион. Я калека, которую мать стыдится.

— А я чистильщик, который плачет над трупами. И мой генерал боится, что я слишком чувствительный для войны.

— Мы оба не подходим.

— Хорошая пара.

Кайден садится на корточки. Земля под ногами — серая, как пепел.

— Три часа. Починю. Как смогу.

Он снимает перчатки. Руки грязные — под ногтями засохшая кровь, на пальцах шрамы от скальпеля, от игл, от

жизни. Начинает разбирать экзоскелет — откручивает пластины, вытаскивает провода, достаёт паяльник из рюкзака.

— Ты уничтожаешь свою руку, — замечает она. — Экзоскелет — это твоя левая рука. Без него ты не сможешь работать.

— Бывало хуже. Однажды мне оторвало два пальца на правой. Пришили. Почти не видно шрамов.

— Ты был женат?

— Что?

— Или девушка. Парень. Не важно. Ты так аккуратно с хрупкими вещами. Так бережно. Как будто боишься сломать.

Кайдэн замирает. Паяльник висит в воздухе. Олово капает на серую землю.

— Сестра. Умерла в восемь лет. Сердце. Врождённый порок. Я пытался собрать клапан из запчастей. Достал чертежи у старьевщика. Спаял за три ночи. Не успел. Она умерла за час до того, как я закончил.

— Мне жаль.

— Просветлённые не жалеют технарей. Так говорит генерал. Так говорит мать. Так говорит каждый второй житель Нижних Куполов.

— Я уже не совсем просветлённая. Я изгнанница. У меня нет касты.

— Тогда что у тебя есть?

Она смотрит на свои бесполезные ноги. На бледную кожу.

На туфли с развязанной ленточкой.

— Только это кресло. И ты. Пока починишь. А потом — пустота.

— Пустота — это не так страшно. Страшно, когда пустота начинает говорить.

III

Кайдэн закончил через час.

Кресло зажужжало — слабо, неуверенно, но зажужжало. Засветилось тускло-фиолетовым — как последняя искра в умирающем костре.

— Энергии на три часа. Не выше ста метров. Лети. На запад. Там, говорят, есть вода. Может быть, люди. Может быть, жизнь.

Он отвернулся. Пошёл прочь. Хромал — левая рука висела плетью после того, как он отключил экзоскелет. Сделал три шага. Пять. Десять.

— Стой! — крикнула Лира. Громко. Так, что эхо разнесло по равнине.

Он остановился. Не обернулся.

— Возьми меня. С собой.

— Зачем?

— Один умрёшь. И я не хочу быть одна. Три часа — это мало. А умирать в одиночестве — это много. Слишком много.

Он медленно поворачивается.

Смотрит на неё. На кресло. На серую землю.

— Ты просишь помощи у чистильщика трупов? У человека, который вскрывал твоих родственников? У убийцы?

— Я прошу помощи у того, кто сломал свою единственную рабочую руку, чиня кресло калеки. Не за деньги. Не за еду. Не за секс. Просто потому, что я попросила.

— Откуда ты знаешь, что я не убью тебя во сне?

— Откуда ты знаешь, что я не убью тебя первой? У меня нет ног, но есть голос и есть мысли. Я могу заставить тебя уснуть и не проснуться.

Кайдэн усмехается. Впервые за долгое время — не горько, не вымученно. Просто — усмехается.

— Договорились. Не убивай меня. Я не убью тебя.

— Три часа. Не найдём убежище — умрём.

— Тогда умрём.

Она протягивает руку. Белую, тонкую, дрожащую от холода и страха.

Он берёт. Её ладонь холодная, как лёд. Пальцы тонкие, как ветки.

— Держись.

— И так крепко.

— Нет. — Она берёт его руки и обводит вокруг своей талии. Талия узкая — он может обхватить её одной рукой. — Так. Чтобы не упасть. Чтобы чувствовать, что я живая.

Он замирает на секунду. Его ладони на её талии. Её руки

на его плечах. Её дыхание — у его лица.

— Ты уверена?

— Я не была уверена ни разу в жизни. Ни в матери. Ни в касте. Ни в себе. Но выбора нет. Или ты, или смерть. Я выбираю тебя. Не потому, что ты лучший. Потому что ты — единственный.

— Тогда держись крепче.

Они взлетают.

Кресло вздрагивает, поднимается в воздух — медленно, неуверенно, как больная птица. Серая зона расстилается внизу — бесконечная, пустая, равнодушная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.